

18+

ЭРЗАРХИЯ

ПЕСОК НА АСФАЛЬТЕ

Константин Ворон

Константин Ворон

Эргархия: Песок на асфальте

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68906061

ISBN 9785005967169

Аннотация

Костя Ворон на каникулах участвует в интенсивных программах саморазвития. Он учится работе с вниманием, умению чувствовать растения и многому другому. При этом он обнаруживает, что постепенно вовлекается в загадочное сообщество людей, именуемых деями или эргархами. Он возвращается в город. Перед ним встают вопросы, ответы на которые в состоянии полностью изменить его дальнейшую жизнь. Сможет ли Костя преодолеть препятствия, справиться с соблазнами и встать на путь выращивания Волевого Существа?

Содержание

Предисловие	5
Пролог	20
Глава 1. Коглерон	23
Глава 2. Кристаллизация	35
Глава 3. Магма	44
Глава 4. Старый Новый год	50
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Эргархия: Песок на асфальте

Константин Ворон

Редактор Леон Иванов

Художник Дмитрий Ляляков

Редактор-корректор Ольга Нуждова

© Константин Ворон, 2023

ISBN 978-5-0059-6716-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

В мире все может быть не таким, каким кажется. Наряду с окружающей нас очевидностью существуют другие измерения и планы бытия. Об этом шла речь в книге «Эргархия: Ночная Группа» Константина Ворона. Рассказанная там история получила продолжение.

После первого издания книги в 2015 году Константин исчез. От него не приходило никаких известий, и я начал беспокоиться.

Тем временем на фоне происходящих в России и в мире событий стало ясно, что предостережение, приписываемое Конфуцию – «Не дай вам Бог жить в эпоху перемен» – прямо относится к нашим дням.

Нынешнее *Время Перемен*, об ожидании которого шла речь в первой книге, имеет все признаки состояния *Двойки*, описанного Константином: чувство оставленности, неопределенности и дезориентации, потери смысла существования, внутренняя слабость, безволие, подверженность влиянию негативных эмоций, склонность к депрессии... Однако если у Константина *Двойка* – это, прежде всего, период жизни отдельных практиков с момента, когда их покинуло *Волевое Существо*, то наблюдаемое сейчас является состоянием всего мира, или, по крайней мере его крупнейших полити-

ческих субъектов. Усугубляется оно тем, что важнейшими мировыми центрами силы ныне руководят, в большинстве случаев, слабые, недалекие политики, которых, кажется, никогда не посещало не только *Волево Существо*, но и ощущение элементарного здравого смысла. Такие политики готовы жертвовать культурными и экономическими интересами своих стран в угоду гегемонистского курса, который не сулит ни отдельным людям, ни народам никакой пользы.

С одной стороны, население Государства Российского, регулярно получало мощные прививки на устойчивость к переменам на протяжении всей истории своей страны. Если прививок было недостаточно, за ними «прилетали» мощные «бустеры». С другой стороны, последние деструктивные события приобрели столь всеобъемлющий характер, что даже этого запаса устойчивости может не хватить. Человечество переживает в разных исчислениях либо шестой (см. <https://www.mirf.ru/science/edva-nenachalas-yadernaya-vojn/>), либо даже двадцать третий (см. <https://www.bbc.com/russian/vert-fut-53741871>) по счету эпизод приближения на расстояние вытянутой руки к самоуничтожению в результате ядерного конфликта. Предыдущие эпизоды – Карибский кризис, многочисленные учебные тревоги, принимаемые за настоящие, сбои систем раннего оповещения – до сих пор заканчивались благополучно. Что будет сейчас – остается только гадать. Одно существенное от-

личие внушает тревогу. Если большинство предыдущих эксцессов представляли собою опасные случайности или ложные срабатывания, то сейчас наблюдается совершенно сознательная раскачка ситуации, последовательное нарушение одних за другими рядов «красных линий» всеми сторонами.

Если вспомнить теории органического развития цивилизаций (Николай Данилевский, Константин Леонтьев, Освальд Шпенглер, Арнольд Тойнби, Лев Гумилев и др.), то нелегко отделаться от впечатления, что современная цивилизация, точнее, цивилизация «золотого миллиарда», утратила пассионарный импульс и вступила в стадию сенильной деменции, проще говоря, старческого маразма.

Возникает соблазн применить к оценке текущего состояния всей европейской цивилизации (включая государства Западной и Восточной Европы, США и прочие страны, образующие исторический Pax Christiana – дискуссию о месте России в этой связи см., напр., <https://www.nkj.ru/archive/articles/8050>) выводы, к которым когнитивные психологи приходят на основе наблюдения отдельных групп или контингентов лиц. Так, Б. Братсберг и О. Рогенберг отметили инверсию так называемого эффекта Флинна, состоявшего в постоянном повышении интеллектуального уровня людей (в среднем примерно на три пункта по шкале IQ каждое десятилетие) под влиянием окружающей среды. На основе

исследования более 730 тысяч тестов IQ норвежских военных, родившихся в 1962—1991 годы удалось установить, что у родившихся после 1975 года уровень IQ по результатам теста неуклонно снижался. Разрыв с более старшими годами нарастал до 5 пунктов IQ (см. Bernt Bratsberg, Ole Rogeberg. Flynn effect and its reversal are both environmentally caused // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America Vol. 115, No. 26, June 26, 2018, pp. 6674—6678 и многочисленные изложения результатов этого исследования в интернете и бумажных СМИ). Сохраняя в поле зрения норвежцев, можно отметить, что характерным примером действия указанной тенденции является в том числе и нынешний генсек НАТО.

Иными словами, вместо того, чтобы становиться умнее, цивилизованнее и рассудительнее, современные молодые люди, а чего греха таить – и иные люди постарше (и на старуху бывает проруха) с течением времени неуклонно глупеют и дичают. Среди ведущих причин подобного развития упоминаются, в первую очередь, повсеместное распространение гаджетов, усиливаемая этим атомизация социума, реформы образования в направлении его упрощения и поток оглуляющей информации со стороны масс медиа.

До сих пор продолжающаяся пандемия тоже не добавила человечеству мудрости. Ученые, изучавшие последствия SarsCov, установили, что частым побочным эффектом перенесенного заболевания являет-

ся снижение интеллекта (см., напр. <https://www.rbc.ru/society/25/07/2021/60fd70819a79476ac9771f84>). О числе переболевших и болеющих ковидом жителей Земного шара, здесь, наверное, напоминать не стоит.

К печальным выводам приходят и некоторые исследователи человеческого питания, указывая, что повсеместно распространенный рацион с большим содержанием продуктов переработки пшеницы – в первую очередь, глютена, тоже никак не добавляет остроты суждений и памяти. Некоторые заходят еще дальше и утверждают, что пшеница вообще поработила человека (см. Ю. Харари. Sapiens: Краткая история человечества, а также <https://latifundist.com/blog/read/2778-dumaj-kak-pshenitsa-yuval-harari-ob-agrarnoj-revolyutsii> и другие рассуждения на эту тему в интернете). Вероятно, потребление избыточного количества зерновых способствует развитию людского интеллекта в направлении интеллекта парно- и непарнокопытных, которым пшенично-зерновой рацион наиболее органичен.

Словом, если нас минует ядерный эксцесс, и у человечества останется достаточно времени на продолжение истории, может случиться, что рано или поздно мы, если и не дойдем до ментального состояния крупных пастбищных животных, то уж точно возвратимся на интеллектуальный уровень наших ближайших мохнатых предков-приматов, потакающих

лишь своим физиологическим потребностям, и, таким образом, «достойно» завершим цикл эволюции своего вида.

Как утверждает Константин Ворон, существуют практики, способные противодействовать подобной динамике и повернуть процесс деградации вспять. Они описываются и в серии книг *Эргархия*. К сожалению, данные практики не являются массовыми и вряд ли смогут стать таковыми. Почему это так – подробно рассказано в первой книге.

Впрочем, если кто-либо не найдет в себе сил двигаться непростым путем *Эргархии*, у него или у нее ещё не все потеряно. Такому ищущему в качестве альтернативы можно порекомендовать одну из, возможно, более мягких и, уж точно, более известных древних практик. Наиболее эффективными среди последних и наименее перегруженными лишней мифологией и сказками представляются практики южного буддизма (малой колесницы или тхеравады), состоящие в достижении сосредоточения (*шаматха*) и прозрения (*випассана*).

Так или иначе, следует помнить, что основным препятствием к занятиям любой практикой, будь то бег по утрам, подготовка по программам *Эргархии* или медитации тхеравады, является наше собственное эго, затмившее собой бессмертное «Я» с большой буквы и не желающее покидать пресловутую зону комфорта, и, в тхеравадинском понимании, выступающее основной преградой на пути к переживанию пустоты и погружению в нирвану.

Возвращаясь к характеристике современной ситуации в терминах Константина, можно отметить, что серьезные флуктуации *Красной* или материальной *Вселенной*, Вселенной *Иного*, в которую, согласно учению *Эргархии*, мы все погружены и частью которой являемся, как минимум, во всех наших материальных аспектах, означают не только потери, но и шансы. Прежде всего, шансы увидеть сквозь трещины и разрывы *Красной Вселенной* проблески волевой *Черной Вселенной*, Вселенной *деев* или *эргархов*.

Действие волевой Вселенной всепроникающе и всеобъемлюще. Особенно ярко оно заметно в случаях, когда по всем канонам материальной Вселенной дела должны были бы пойти иначе. Например, на полях сражений малочисленные и относительно слабо вооруженные группы бойцов вдруг оказываются способны удержать позицию или даже отбросить значительно превосходящие их по численности силы противника, оснащенные тяжелыми вооружениями и бронетехникой. Пользуясь метафорой Солженицына, теленок бодается с дубом, и дуб вдруг падает. Подобные случаи, когда вопреки ожиданиям «сработала чистая воля», в мирной, а теперь и в военной обстановке, могут вспомнить многие.

В нынешние времена в политико-дипломатической и военной плоскости действие *Черной Вселенной* проявляется, в частности, в том, что вопреки взаимным проекциям и обвинениям, противники (на данном отрезке времени это

«Русский мир» и «коллективный Запад») отбрасывают собственные прямые материальные интересы и начинают сражаться сугубо «за идею», как она понимается соответствующими сторонами конфликта. Пусть где-то за кулисами то и дело мелькают корыстные мотивы (кто-то ворует гуманитарную помощь, кто-то продает оружие, предназначенное для воюющей армии, на сторону, кто-то стремится заработать очередную звезду на погоны, неоправданно рискуя жизнями солдат), но массы приводятся в движение именно благородной идеей, будь это идея спасения «Русского мира», сохранения свободы своей страны, или бескорыстной помощи миллионам военных беженцев.

Победу в нынешнем противостоянии тоже определяют правила *Черной Вселенной*. Лавры победителя достанутся той стороне, у которой выявится более «длинная воля», более прочная мораль, более высокая организованность и которая окажется способной распознать и прекратить самообман и прямо взглянуть в глаза реальности. Этой же стороне будет позволено в значительной степени определять контуры нового постконфликтного миропорядка.

Политика, от которой сейчас никак не отделаться, – это ещё далеко не всё. Есть и другие, может быть, более важные измерения. Так, в первой книге утверждается, что *Черная Вселенная* – это Вселенная сознания. Идея существо-

вания нематериальной основы материального бытия и тонких взаимодействий, не знающих границ, известна с древних времен. Наиболее интересной для нас в этой связи является концепция *апейрона* или «бесконечного, беспредельного», которую разработал древнегреческий философ Анаксимандр. Ключевое значение понятия *апейрон* проявляется и в том, что его с недавнего времени начали сопоставлять с другими, значительно более широко известными концепциями вселенского первоначала, такими как Брахман и Дао (см. Панченко Д. В. Апейрон, Брахман и Дао. – В кн.: Панченко Д. В. Диффузия идей в Древнем мире. СПб., 2013. С.293—300.)

Один из современных (как можно догадаться, не мейнстримовских) исследователей – Н. Б. Толорайя в своей брошюре «Черная Вселенная, или нематериальная среда Анаксимандра» (М., 1994, 64 с.) прямо постулирует существование (цитирую аннотацию) «незримой, таинственной и до сих пор никем не подмеченной среды, управляющей миром материальной Вселенной и живой природы нашей планеты, среды – первоисточника добра и зла, жизни и смерти... На основе этой идеи автор делает не менее сенсационные выводы – об отрицании Всемирного тяготения и реальном существовании Всемирного давления черной Вселенной – нематериальной среды». Перепевы с учением *Эргархии* прослеживаются здесь невооруженным глазом.

Хотя астрономы и физики пока не дошли до признания нематериальной Вселенной, все же, они предполагают существование ее материального аналога – гигантских масс темной материи, не участвующей в электромагнитных взаимодействиях. Темная материя, по сути, образует материальный субстрат *Черной* или темной *Вселенной* Анаксимандра и *Эргархии* (См., напр., Л. Ксанфомалити. Темная Вселенная. Сюрприз космологии к 100-летию открытия Эйнштейна, <https://icr.su/rus/onckm/nauchnye-otkrytiya/osmysleniinykh-sostoyaniy-materii/?ysclid=lbe8wtcj82990983671>).

Взаимодействия с мгновенной скоростью на бесконечных расстояниях с момента появления теории дальнего действия перестали быть табу в физике. Пусть рабочей теорией пока считается теория ближнего действия, которая объявляет предельной скоростью взаимодействия скорость света и требует обязательного наличия материального переносчика взаимодействия, например, фотона. Тем не менее, теория дальнего действия занимает свое законное место. Некоторые исследователи отмечают, что противоречия между двумя теориями – лишь кажущиеся, и на самом деле мгновенные взаимодействия на теоретически бесконечных расстояниях тоже имеют место, по меньшей мере, в области квантовой механики (см., например, Белинский А. В., Шульман М. Х., Концепция дальнего действия и квантовая запутанность состояний, в: Электронный философский журнал Vox, Выпуск 24 (июнь

2018), <http://vox-journal.org>).

Пожалуй, наиболее скандальный вариант математического обоснования теории дальнодействия предложил широко известный в узких кругах Нажип Валитов, который удостоился за это места в русской фрикопедии ([https://www.freakopedia.ru/wiki/Валитов Нажип Хатмуллович](https://www.freakopedia.ru/wiki/Валитов_Нажип_Хатмуллович)) и почетного титула шарлатана, хотя до этого был степенным ученым химиком, автором ряда изобретений и директором крупного башкирского химзавода. В своей монографии «Вакуумные колебания при химическом возбуждении атомов, молекул и хаотичность силовых линий электромагнитного и гравитационного полей» (Уфа, 1997, 100 с.) он будто бы доказал – и его доказательство до сих пор толком никто не опроверг, – что информационные взаимодействия во вселенной действительно происходят мгновенно. Они не ограничены скоростью света. Информация может мгновенно попасть в любой самый отдаленный уголок Вселенной. Это, возможно, не вызвало бы столь бурного скандала, если бы Валитов не заявил, что таким образом ни много ни мало доказал бытие Бога. За свои расчеты он якобы даже удостоился похвалы Папы Римского. Это коллегам по научному сообществу показалось уже слишком.

В связи с исследованиями тонких взаимодействий нельзя не вспомнить и Н. А. Козырева, который изучал их на при-

мере воздействия времени на материальные процессы. Козырев заявил, что все процессы во Вселенной подчиняются «причинной механике» и идут либо с поглощением, либо с выделением времени. Козырев ставил ряд экспериментов, более или менее, хоть и не во всех случаях, подтверждавших его построения. В итоге, концепция Козырева осталась в сыром виде, не найдя ни убедительного подтверждения, ни опровержения. Научное сообщество относится к ней с подозрением и старается не замечать.

Квантовая физика прямо вводит субъективного наблюдателя как фактор воздействия на объективный наблюдаемый процесс. Это с легкостью экстраполируется склонной к мистике публикой (см., напр., <https://fromitoi.jimdofree.com/главная/наука-духа/влияние-сознания-на-материю>), в результате чего образуются новые якобы научно обоснованные верования, именуемые «квантовым мистицизмом» (ср. https://ru.wikipedia.org/wiki/Квантовый_мистицизм). Эзотерическая «порча», впрочем, не отменяет реальную загадочность квантового мира.

Наконец, в отношении признания воздействия идеального на материальное даже кондовый марксистский материализм подстраховался и пояснил, что такое воздействие имеется. Сознание влияет на материю в процессе опережающего отражения, которое является способностью пси-

хики на основе памяти о прошлом прогнозировать будущее и, таким образом, влиять на него. Оксюморонность определения «опережающее отражение» хорошо заметна, но ничего лучшего по этому поводу в рамках марксистской философии придумать не удалось. Точно так же, как и дать материалистический ответ на вопрос, каким образом сознание способно вытаскивать из прошлого (или «отражать») концепты, которых в прошлом никогда и близко не было. Дискуссию об опережающем отражении см., напр.: <https://wiki.1vc0.ru/enciklopediya/fiziologiya/knigi-po-fiziologii/knigi-po-fiziologii-vysshej-nervnoj-deyatelnosti/glavy-knig-fvnd/koncepciya-operezhayushhego-otrazheniya.html> и <http://www.center-stupeni.ru/kornienko-a-specifika-psihicheskoy-formy-otrazheniya-dejstvitelnosti/>.

Получается, что так или иначе, современная философия и наука (не говоря уж о паранауке и околонучной эзотерике) признают существование тонких взаимодействий и способность событий в сознании оказывать влияние на материальные объекты. Перефразируя Уолта Уитмена, можно заметить, что в начале нового тысячелетия мало у кого остаются сомнения, что, наш мир «весь не умещается между шляпой и ботинками».

По поводу того, что само сознание представляет из себя многомерную вселенную (мультиверсум) с множеством пси-

хических миров, написаны, наверное, тысячи страниц современных (начиная с XIX века) философских и психологических сочинений. К ним можно смело добавлять результаты весьма тонких наблюдений сознания и психики, которые велись, например, представителями буддизма или христианства еще с древности.

В свете всего этого излагаемое в представленных вашему вниманию книгах учение *Эргархии* перестает звучать столь отвлеченно и фантастично.

Итак, что произошло со второй книгой?

Была середина 2020 года. Пропавший было Константин вдруг объявился и сообщил, что у него все идет по плану, и он заканчивает вторую книгу. На мой вопрос, куда он исчезал, он заявил, что в одиночестве отсиживал свою *Двойку*, и не стал вдаваться в дальнейшие подробности. Удалось лишь выяснить, что он на некоторое время покидал страну.

Теперь вторая книга перед вами. В свете современной тенденции ко всеобщей цифровизации издание литературы на бумаге превратилось в непростое и небыстрое начинание. Следуя духу времени, мы издаем ее онлайн. За второй книгой должна последовать и третья.

Что же касается нынешнего *Времени Перемен*, то осталось лишь собраться с духом и вспомнить вторую часть фразы Конфуция: «Но если уж случилось жить в эпоху перемен, то дай вам Бог воспользоваться новыми безграничными возможностями!»

Надеемся, наши книги помогут вам в этом.

Леон Иванов

Мюнхен – Москва, декабрь 2022 года

Пролог

– *Двойка* – это образ паузы перед *Временем Перемен*, – сказал *Инструктор* в нашей первой беседе после его перехода в *Двойку*. – *Двойка*, настоящая *Двойка*, многократно отражается во множестве событий. Твоя личная *Двойка* – изображение *Двойки* всей нашей линии *деев*. А наша *Двойка* – изображение земной *Двойки*, в которую вошел весь мир несколько столетий тому назад. *Двойка*, в которую вползли Россия с Украиной, – это отражение вселенской *Двойки* внутри земной *Двойки*.

Инструктор продолжил:

– Когда мы были еще *Нулем*, *деи* говорили нам: «Мы последние, кого питает энергия традиции. Уже вы будете опираться только на себя и на понимание, которое останется у вас после нас. После нас наступает время экзамена для всей линии – как мы, *деи*, усвоили урок, длившийся несколько тысяч лет. У вас будут расколы, но ваша задача – сохранить единство, которое дается практикой *деев*». Они говорили: «У нас, *деев*, уже была неудачная репетиция. Ее начала *Единица*, созданная в 1913 году, но оказалось, что это – не *Время Перемен*, а только подготовка. *Деям* казалось, что это поражение, но, с точки зрения Вселенной, это был лишь предварительный урок».

О *Времени Перемен* *деи* говорили часто, но что это такое,

я понял только в *Единице*. Потом, вместе с *Волевым Существом*, ушло понимание его сути и осталось только *изображение*. Суть не передать обычным языком. У *деев* есть свой язык, но он не похож на человеческие языки. Он появляется, только когда пробуждается *Волево Существо*, и *Нуль* превращается в *Единицу*. Когда в *Двойке Волево Существо* покидает *дея*, оно уносит с собой и язык, точнее, его суть. Еще точнее – эйдетическую суть. Понимание исчезает, но память о нем не дает впадать в заблуждения и иллюзии.

Второй раз я пришел к *Инструктору* через 6 лет моей *Единицы*.

– Ты смотришь на меня с сочувствием, видя мою трехмерность. Но у меня есть преимущество перед тобой. Ты не знаешь, что такое потеря, хотя и всю пользуешься техникой *не-знания*. Ты так же, как и мы когда-то, проводишь *Нуль* через опыт *не-знания* и не-понимания. Но ты еще не знаешь, что значит потерять самое ценное. Я в свое время долго размышлял над тем, зачем нам *Двойка*. Ну да, чтобы *Волево Существо* очистилось от примесей *Красной Вселенной*, стало *чернее черного*. Но даже это не самое главное. Главное – испытать потерю и понять, что все мы – и люди, и *деи* – понесли страшную потерю, попав в *Красную Вселенную*. И эта *красная* часть должна быть отринута. И *Тройка*, и даже *Четверка* работают над этим. В *Двойке* я ниже любого человека, почти полностью поглощенного *Красной Вселенной*. От *Воле-*

вого Существа у меня остались только воспоминания, причем лишь те, что я могу воспроизвести в его отсутствие.

Только сейчас я понял его слова. В *Единице* я был высокомерен, но меня переполняла благодарность *Инструктору* за все, что он делал с нами в своей *Единице*. Тогда я сочувствовал ему, как сочувствуют тяжелобольному близкому человеку. Но он обладал знанием, которое недоступно в состоянии силы. Чтобы увидеть высоту, нужно глубоко упасть. Сейчас, в этом глубочайшем падении, я вижу всю красоту и стройность здания *Эргархии*.

Глава 1. Коглерон

Вернувшись в Москву, я, наверное, неделю приходил в себя. То, что происходило в Бучаке, воспринималось там как нечто потрясающее, но реальное. *Светящийся Змей*, карты-семена *Черногорца*, практика с группой *Рыцаря* и моя трехдневная погоня за жуком, тайная слежка за *Дневной группой* – все это было невероятным, но происходило на самом деле.

Мама подробно расспрашивала о киевской секции. В ответ я что-то плел, с трудом вспоминая, что же происходило в самой лаборатории на Чеховском. Я рассказывал ей о некоторых техниках, об устройстве лаборатории, но, конечно, о *Ночной Группе*, ее практиках и вторжениях в свое сознание умолчал.

Меня пригласили в *узкий круг* на Фурманном. Там собралось руководство секции. Я долго рассказывал о техниках *Растворения* и выделении *эйдосов* (эта информация была разрешена *Инструктором*). Не скажу, что это было воспринято с каким-то особым интересом, – своих техник было более чем достаточно. Да и в информаторах недостатка не было – как выяснилось, *Генерал* был у них частым гостем, и именно ему поручили создать киевский филиал.

Меня мучили воспоминания о *Кобре* и *Лани*. Особенно о *Лани*, с которой никак не удавалось связаться. С *Ланью*

отношения не дошли до близости, оставшись отношениями в чистом виде, далекими до своего финала. Они таили в себе массу возможностей и вариантов, не воплотившихся в жизнь, но дающих полноту, исчезающую, как только мужчина добивается женщины, – из всех вариантов отношений остается только один. Думая о *Лани*, я наслаждался этими многими, еще не погибшими, линиями отношений с ней.

С *Коброй* все было иначе. Отношения с ней сначала перешли из огромного множества вариантов в единственный, любовно-сексуальный. А потом запрет *Инструктора* на продолжение сложившегося общения снова выбросил нас в пространство неосуществленных форм взаимодействия. Начавшаяся было тропинка отношений остановилась и разветвилась на множество еще не умерших путей. Полнота возможностей восстановилась.

Избегание окончательных необратимых форм было одним из законов жизни *деев*, но преподносились этот и многие другие законы не в виде разъясняющих слов, а в виде маленьких спектаклей, из которых следовало извлечь понимание. Путь к *Единице* и был цепочкой переходов «от почти непонимания к почти пониманию», как однажды ехидно выразился *Доктор*. Кто-то из нас проходил эти участки быстро, кто-то медленнее, но движение к *Единице* было неотвратимым. Уроки отношений оказывались столь же важными, как и наши занятия с *Растворением восприятия* и изготовлением дубликатов предметов в своем сознании.

Я начал осознавать, что соприкоснулся со скрытно живущим рядом с нашим обычным существованием огромным миром, миром со своими законами, мало похожими на законы обыденной жизни. Желание понять, во что же я ввязался, что такое сообщество *деев* и какое место я могу занять в нем, становилось непереносимо жгучим.

Перед отъездом в Москву *Инструктор* попросил передать своему другу, которого он назвал *Зерном*, странную фигурку рогатого животного. Когда я смотрел на нее, она вызвала чувство невразумительного беспокойства. Я чуял в этом поручении какой-то подвох. И, конечно, не ошибся.

Я созвонился с *Зерном*, договорился о визите и поздним субботним утром прибыл на улицу Енисейскую недалеко от метро «Бабушкинская». Мне открыл дверь худощавый субъект в очках лет под сорок и молча провел в комнату, уставленную книжными стеллажами. Окна покрывали плотные занавески, и в комнате царил полумрак.

– Вы *Зерно*? – спросил я.

– Не совсем, – ответил он. – *Зерно* появится чуть позже.

Я умел различать, подходят ли имена и клички тем или иным людям. Действительно, хозяин квартиры никак не напоминал *Зерно*, из которого что-то должно было произрасти, скорее его можно было назвать *Библиотекарем*.

– Ну, давай что принес, – без церемоний сказал *Библиотекарь*.

Я безропотно отдал фигурку ему в руки. Он долго вертел ее в руках.

– Да, интересные события у вас там происходят, – наконец сказал он.

– Это какие же? – поинтересовался я.

– *Рыцарь* вас всех умучал...

– Это *Инструктор* написал?

– Нет, *Коглерон* рассказал, – обыденным тоном сообщил *Библиотекарь*, указывая на рогатую фигурку.

Я воспринял это как шутку.

– И что еще он рассказал? – спросил я иронично.

– Много чего, например, как ты сидел на берегу водохранилища, *растворялся* и мучился раздвоенностью, или как ты утешал *Кобру*, снимая с нее трусики...

Тут я похолодел. Ни о своих сомнениях на берегу, ни о своих отношениях с *Коброй* я никому не рассказывал. Но я изобразил из себя хладнокровного циника.

– А мне *Коглерон* ничего рассказать не может?

– Может, но ты ничего не поймешь, а если поймешь, то забудешь.

После Бучака моя самоуверенность возросла, и я нагло спросил:

– Попробуем?

– Тебе понадобится помощь. Если я что-то могу сделать с собой, это не значит, что сделаю это и с тобой. Завтра я приглашу одного из *деев*, и он поможет.

– А ты разве не *дей*?

– Нет, *деи* – это *Солнце*. А я *планета*. Они освещают меня своим светом.

– А в чем отличие?

– Они идут к *Преобразованию*, а я хочу остаться человеком. Они дают мне знания, а я их связываю с миром людей.

– А что, они не люди?

– Сначала люди, потом не совсем, потом снова люди, а что потом – это уже не мое дело. В их мире слишком много войны и насилия, а я этого не хочу. Я хочу знания без крови. Ты знаешь, зачем нужна *Двойка*?

– *Двойка* – это когда *Волевое Существо* покидает дея...

– Нет, не что происходит, а зачем?

– И зачем?

– В *Единице* ты попадаешь в очень сложный мир, и в *Двойке* тебе его нужно перевести в простые формы. Ты судорожно пытаешься вспомнить, что там было, но в памяти остается только внешняя канва событий. А то, что скрыто, есть *эйдос*, но он не покрывается кожурой, доступной пониманию. Это урок. Когда ты понимаешь, как замутняется сознание в *Двойке*, ты понимаешь, насколько оно смутно по сравнению с тем, как должно быть. *Единица* тоже лишь намек на *Мир Ночи*.

– Но если ты не *дей*, то что ты знаешь о *Единице*?

– Мой друг *Коглерон* рассказывает мне про все. На самом деле я, как «двоечники», пытаюсь рационализировать то, что выше рационализации. *Коглерон* сообщает мне все, но понимаю я все лишь как «двоечник». Приемное устройство ограничено... Зато я не воюю.

– Но если можно передать сообщение через *Коглерона*, то можно и напрямую?

– Говорят, что это доступно только *Четверке*. Для всех

остальных нужен носитель. Магнитофон, так сказать.

– А ты все-таки кто? *Двойка, Тройка?*

– Нет, я же сказал, что я не *Солнце*, и даже не *Луна*. Я – планета.

Тут я осознал, что *Библиотекарь* употребляет не метафоры, а термины *деев*.

– Я привязан к *Солнцу*, вращаюсь вокруг него, накапливаю знания, которые оно излучает. Я – часть сети знаний *деев*, которые должны сохраняться. Но я знаю их лишь со стороны *Нуля* или *Двойки*.

– А почему не сделать скачок в *Единицу*?

– Потому что после этого твой путь становится четко заданным. Ты попал в туннель, ведущий к определенному результату. К соблазнительному, но определенному, одному из многих возможных. А значит, ты утратишь все другие возможности. Кто-то хочет пройти до конца, а я хочу оставаться в начале.

– Подожди, подожди. Но если ты хочешь сохранить все возможности, то должен общаться не только с *деями*, но и с другими традициями.

– *Деи* – это и есть все традиции. Они используют достижения всех традиций для своей цели. А цель – вырастить рядом с нашей реальной личностью еще одно существо – *Волевое Существо*, которое поглотит целиком тебя прежнего. Для этого все приемы хороши, и *деи* накапливают такие приемы – и древние, и те, что рождаются сейчас. *Деи* знают

о жизни и Вселенной больше всех, но нуждаются в тех, кто может все эти знания хранить. Хранить, а не использовать, потому что, используя знания, ты удаляешься от мира людей. А я хочу остаться собой, остаться человеком. Их знания о том, как перестать быть человеком, предохраняют меня и помогают мне усилить человека во мне. Мы – антагонисты по своим устремлениям, но дружественные антагонисты.

– А зачем *деям* хранить знания о том, что происходит в *Единице* и *Ночной Группе*? Они что, еще и архивы создают?

– А если *Двойка* и *Ночная Группа* полностью погибнут? Такие случаи были. *Единица*-то мощнее жизни, и с ней ничего не может случиться. *Ноль* же ничем не защищен, а *Двойка* и подавно. Почти в каждом цикле в *Двойке* кто-то гибнет из-за случайностей, а в недавнее время были случаи, когда *Двойки* уничтожались целиком. Если такое случается, весь путь погибшей *Группы* нужно пройти заново, поскольку пути разных *Групп* не похожи. Чем больше пройдено путей, тем мощнее будут *деи* ко *Времени Перемен*. А как ты восстановишь путь *Единицы*? По записям? Но запись никогда не передаст *эйдос* событий. Вот поэтому и используется *Коглерон*. *Коглерон* накапливает *эйдосы*. Но читать *эйдосы* могут только *деи* и мы, *планеты*.

– А что такое *Время Перемен*?

– Это уже ваша тема, тема *деев*. Они расскажут про нее. Я могу лишь рассказать про человеческое понимание и человеческое измерение этого события. Оно будет слишком

человеческим, а потому ошибочным. Мы, люди, можем понять только отражение этого события или этой катастрофы. Полнота знания о *Времени Перемен* есть только у *Четверки*. *Время Перемен* – это преобразование всей жизни. Это вторжение *Волевой Вселенной* в нашу жизнь. Волевая оккупация *Красной Вселенной*.

– Человек превратится в другое существо?

– Не все люди, но некоторые.

– А остальные?

– Остальные останутся. Ведь рядом с людьми живут пауки и муравьи в муравейниках, и они не замечают людей. Так и люди не будут замечать *эргархов*.

Я вдруг понял еще один тайный смысл нашей практики с *Дневной группой* в Бучаке. Мы тренировались быть невидимыми. Объяснялось это тем, что *деи* должны научиться жить своей жизнью, незаметной для окружающих. Но сейчас мне открылся и более глубокий пласт – *эргархи* станут незаметными и будут существовать параллельно с обычными людьми. Меня эта идея возбудила, но сейчас, когда я пишу эти строчки, я понимаю двойственность и сомнительность этого плана. Впрочем, *Двойка* – время раздумий и сомнений. Сомнения, которые зарождал *Локка*, готовили нас к *Двойке*. Тогда, в далеком 1980 году, мое сознание еще не было объемным, и я мог вместить в себя новую мысль, лишь вытесняя предыдущие.

Потом, когда я угодил в *Двойку*, *Тройка* разъяснила мне,

что *Единица* – это ослепление возможностями, и *Двойка* дается для восстановления пропорций. «Можно ли писать об этом?» – спросил я тогда. «Конечно, – сказали мне, – это нисколько не повлияет на самоуверенность *Единицы*».

Библиотекарь продолжал:

– Ты думаешь, просто так все фантасты начали писать о трансформации человеческого существа, о сверхлюдях, люденах? Об уходе люденов с Земли? Знания *деев* становятся идеями, которые просачиваются в обычный мир. Людены – это образ, в виде которого существа *Красной Вселенной* воспринимают *деев* после *Четверки*.

Только в *Единице* я понял, что ничего тогда не понял. Разговор уходил в какую-то неясную фантастику, и оставалось только распрощаться. Я напомнил *Библиотекарю* об обещании свести меня с тем, кто покажет, как работает *Коглерон*.

– Завтра в три часа у меня, – сказал *Библиотекарь*.

И тут... буквально из ничего возник *Зерно*. Он выделился из самого темного угла и подошел к нам. Я невольно вздрогнул. Беседа на двоих не предполагала присутствия еще третьего. Потом нам не раз преподносился урок под названием «Нет тайн: когда происходит событие, всегда есть его свидетели». С тех пор что бы ни происходило со мной в течение *Нуля*, я всегда предполагал наличие еще одного наблюдателя и почти никогда не ошибался.

Внешность *Зерна* точно соответствовала его кличке: пшеничные волосы окаймляли широкое скуластое лицо с вес-

нушками. В нем было что-то от поля пшеницы.

– Вот я и есть *Зерно*, – сказал он. – А ты больше никогда не передавай подарки в чужие руки.

Я смутился, но не стал оправдываться, а просто спросил:

– Так это вы покажете мне, как работает *Коглерон*?

– Нет, я, как и сегодня, лишь посмотрю, как ты работаешь.

На прощание *Библиотекарь* дал мне ксерокопию кустарного перевода первых трех книг Кастанеды. В тот же день я начал их читать и проглотил залпом за неделю. Первая реакция была такой же, как и у многих: это роман или правда? Слишком фантастично и слишком достоверно. Я много размышлял о написанном, находил некоторые параллели с тем, что творилось в *Ночной Группе*, но и большие отличия в практиках и подходах.

Глава 2. Кристаллизация

На следующий день я пришел к *Библиотекарю*. *Денди* (так я назвал этого *дея* из-за его изысканной одежды и безукоризненной прически, на вид ему было лет 35) и *Зерно* уже сидели в кресле. *Библиотекарь* удалился.

– Рад познакомиться. – *Денди* назвал свое имя. – Говорят, вы хотите послушать *Коглерона*?

Как и *Барбаросса*, он был изысканно вежлив и, в отличие от *Толстяка*, сразу переходившего на дружеское «ты», с самого начала устанавливал границы общения. Мы выпили чаю, поболтали ни о чем. Но напряжение у меня росло – я ждал встречи с *Коглероном*.

– Приступим к делу, – вдруг резко сказал *Денди*.

Зерно при этом удалился в дальний угол комнаты и растворился в полумраке. Это было поразительно. Я никак не мог отыскать его следов. Искусство растворения в окружающей среде было еще одной гранью невидимости сообщества *деев*, но это искусство *Зерно* преподавал нам только в *Бучаке*.

– Возьми в руки *Коглерон*. – *Денди* перешел на «ты».

Он внимательно смотрел на меня. Я ощутил знакомое проникновение в меня чужого сознания. Неопределенная тяжесть сопровождалась странным возбуждением и тревогой. Потом будто что-то лопнуло в голове, и дубликат *Когле-*

рона метнулся в мое сознание подобно тому, как это происходило в Бучаке с разными предметами. Затем *Коглерон* растворился во мне, убрав попутно тяжесть от вторжения *Денди*.

Я внезапно ощутил какое-то огромное знание про Бучак. Оно не было детализированным и напоминало скорее воспоминание о книге, которую читал давно, забыл ее содержание, а потом вдруг увидел ее перед собой. Знаешь, о чем она, но не можешь вспомнить ни одной детали. Потом *Коглерон* покинул мое сознание, и я остался с ощущением прикосновения к чему-то большому и важному, к теме, которую никак не могу вспомнить.

Денди участливо посмотрел на меня:

– Ну что, доволен?

Удовлетворения не было. Я судорожно пытался вытащить хоть какое-нибудь конкретное знание.

– Теперь ты понял, почему слово такое появилось – «*Растворение восприятия*»?

Я понял. Конкретные люди, их мысли и желания, события, *Дневные группы*, *Ночная Группа* растворились как фигурки из сахара и соли в воде. Я чувствовал вкус этого раствора, но не мог превратить этот вкус в события, какими они были до *Растворения*. Сказал об этом *Денди*.

Тот согласился:

– *Коглерон* принес нам не слова, а их *раствор*. Тебе же рассказывал *Толстяк* про *соки*? *Коглерон* – переносчик *соков*. *Дей* отличаются от всех остальных тем, что умеют из *со-*

ков вытаскивать все, что в них растворено. Когда научишься – станешь *деем*. Или *планетой* – они тоже умеют это делать.

Я вспомнил *Толстяка*. Его уроки теперь представлялись в совершенно новом свете. Почувствовать дерево означало не ощутить его руками, а «попробовать на вкус» его *сок*.

– *Коглерон* сразу рассказал нам *все обо всем*. Сразу и все. Из этого *всего* я могу извлечь подробности о каждом событии, но мне это не нужно. Тебя же не интересует, какие рецепторы возбуждаются в твоём языке, когда ты ешь конфету или кусок мяса, ты просто знаешь: это – конфета, а это – мясо.

В комнате установилась тишина. Я переваривал случившееся. Наконец *Денди* нарушил молчание:

– Теперь ты понимаешь, что машина мира слишком сложна для простого механизма Кости Ворона?

Я недоуменно посмотрел на него.

– Вот, почитай, – сказал он, протягивая мне отпечатанный на пишущей машинке текст.

Зерно возник снова из полумрака и откинул занавеску. В комнате стало светло. Я посмотрел на машинопись. Это был перевод рассказа Борхеса «Данте и леопард».

– Это *семя*, – добавил *Денди*, – такое же, как и *карточки Черногорца*.

Короткий рассказик Борхеса описывал леопарда, сидящего в клетке в конце XIII века в центре города в Италии.

Бог явился ему во сне и сказал: «В этой тюрьме ты живешь и умрешь для того, чтобы человек, о котором Я знаю, не забыл тебя, и поместил твой образ и символ в поэму, у которой есть свое место во Вселенной». Леопард проснулся, он был наполнен знанием, но ничего не мог вспомнить, потому что, пишет Борхес, *машина мира слишком сложна для простого механизма зверя*. Через много лет в Равенне умер Данте. Перед смертью к нему во сне явился Бог и объяснил ему его место в мире. Проснувшись, он понял, что узнал что-то очень важное, но не мог вспомнить, потому что *машина мира слишком сложна для простого механизма человека*.

Семя проросло сразу после прочтения. Рассказ и мое переживание резонировали с колоссальной силой. Я читал тексты про безмолвное знание, а тут оно явилось ко мне. Но я не мог им воспользоваться – из этого знания не извлекались никакие конкретные детали. Я не мог выяснить, что сообщал *Коглерон* о каждом из нас.

– Как ты думаешь, на кого ты сейчас больше похож: на Данте или на леопарда? – издевательски спросил *Денди*.

На меня опять нахлынуло неопределенное знание того, что сообщил *Коглерон*. Я попытался вытащить хоть какое-то определенное сообщение. Что было важным для меня? Внезапно я понял, что больше всего хочу узнать, какое место в этом обществе занимает *Лань*. Увидимся ли мы с ней? Думает ли она обо мне? Для меня реально это были самые главные вопросы, хотя, казалось бы, более важным было понять,

кто такой *Рева*.

– Пытаешься извлечь информацию из *Коглерона*? – иронично спросил *Зерно*. – Ты же знаешь сейчас о Бучаке все. Но не умеешь с этим обращаться. Займись *Растворениями*. Постепенно научишься. Да, еще мы тебе одно упражненьице покажем. Но завтра.

Денди дал свой адрес. Так начались мои регулярные занятия в Москве.

Наступило «завтра», и ранним вечером я поднялся по лестнице помпезного дома сталинской постройки на улице Горького. В то время в таких домах располагались квартиры советской военной, научной и административной элиты. *Денди* соответствовал своей кличке во всех деталях – его квартира была обставлена с безукоризненным вкусом. В просторной комнате треугольником располагались три мягких кресла. В двух из них с черной кожаной обивкой расположились *Денди* и *Зерно*. Третье, красное, предназначалось для меня. Символика была понятна – *Черная Вселенная* собиралась вразумлять *Красную*, которой я все еще целиком принадлежал.

– Вчера ты *растворился* в сообщении *Коглерона*, – начал *Денди*. – И то, что ты воспринял, – это *раствор* Бучака. Но ты еще не умеешь извлекать из *раствора* те формы, которые были в нем до *Растворения*. Если в воду попадет пирамида из соли и шар из сахара, ты выделишь и соль, и сахар,

но не сможешь сказать, какие именно фигуры растворились. Вот этому восстановлению формы из *раствора* мы и будем тебя учить. Года за три научим.

Я попробовал представить, как растворяю фигурку *Коглерона*, сделанную из соли, а затем выпариваю раствор, и вместо слоя соленых кристаллов опять возникает *Коглерон*. Образ был красив, но оставалось непонятным, как совершить подобное чудо.

– В каждой вещи есть поверхность и внутреннее наполнение, – продолжил разговор *Зерно*, продолжая тему, начатую *Барбароссой* в Бучаке. – Поверхность придает вещи форму. Мы видим всегда только поверхность пирамиды из соли. Но в *Растворении восприятия* поверхность исчезает, а внутреннее лишено формы. Поэтому мы не можем восстановить вещь – поверхность исчезла. Нужно научиться видеть одновременно и поверхность, и внутреннее каждой вещи. Тогда знание о ней сохраняется целиком, и ты сможешь восстановить ее всю: и вкус соли, и форму пирамиды. Возьми спичечный коробок. – Он протянул мне коробку спичек. – Сосредоточься на нем.

Я сосредоточился, как меня учили в Бучаке.

– Втяни его в себя.

Для меня эта практика оставалась самой тяжелой. Ежедневные занятия в Бучаке позволяли поддерживать форму, но и там усилия всегда оставались на грани возможного. *Дубликат* вещи удавалось удерживать только две-три секунды,

потом он «выскальзывал» из сознания. Летом нам помогал *Инструктор*, а здесь, в Москве, поддержки не было. Смущало и то, что *Денди* и *Зерно* смотрели на меня оценивающе. Я понял, что это очередной экзамен, и почувствовал, как рубашка промокла от пота. Наконец, мои сверхусилия увенчались успехом: не *дубликат*, но его яркий образ удержался, хотя и готовился вот-вот улизнуть, оставив меня в позоре неудачи. *Денди* только и ждал этого момента. Я почувствовал, как он вторгся в мое сознание гибким щупальцем и превратил образ в *дубликат* коробка. «Щупальце» его было не таким давящим, как у *Инструктора*, оно было скользким и таким же изящным, как и весь его облик. *Денди* был денди во всем.

Дубликат по-прежнему удерживался «щупальцем» *Денди*.

– Как ты его видишь?

Это было новым заданием. Обычно *дубликат* при работе с *Инструктором* ощущался примерно так, как заноза, вошедшая в тело, а внутренний взгляд как бы перемещался по его поверхности. Невидимая часть предмета, будучи внутри, а не снаружи, явно ощущалась, но это был не зрительный образ, а ощущение тяжести. Иногда тяжесть превращалась в видимую, но все еще тяжелую массу, однако это были мимолетные образы.

Но тут я вдруг «увидел» коробок со всех сторон сразу. Он был не просто внутри моего сознания, он был «внутри мое-

го глаза». Это было, как если бы сетчатка свернулась в шар вокруг коробка.

– *Раствори* его! – закричал *Денди*.

Я расширил объем внимания, и коробок растворился в неопределенной глицериновой жиже, как это не раз бывало в Бучаке. На мгновение я увидел лежащие внутри спички, их серные головки, а потом была только жижа, но я знал, что в ней растворился коробок.

– Сконцентрируйся на *эйдосе* коробка! – закричал *Денди*

У меня получилось! Внимание удерживало *эйдос* коробка, и в сознании опять появился его давящий тяжелый *дубликат*. Через секунду все исчезло, и я, обессиливший, обмяк в кресле.

– Сможешь сам? – участливо спросил *Денди*.

Конечно, я не мог.

– Вот этим и нужно овладеть за год-два, – сказал *Зерно*, – а пока отдохни.

Я постепенно пришел в себя. *Денди* с *Зерном* объяснили мне задачу.

Первый шаг – втянуть в себя предмет и создать *дубликат*. Второй – совместить *дубликат* и оставшийся снаружи предмет и начать управлять предметом через *дубликат*. (Этому искусству нас начал обучать *Стрелок* следующим летом.) Третий – переместить созданный *дубликат* обратно во внешний мир. Эта практика была недоступна *Нулю* и удавалась только к концу *Единицы*. Но это не было само-

целью – выталкиванию из себя подлежало только *Волевое Существо*. Создавать *дубликаты* и превращать их в видимые всеми людьми предметы могла только *Тройка*. *Дубликаты*, превратившиеся в предметы, несли в себе одновременно и связь с *Черной Вселенной*, становились ее «агентурой».

– *Коглерон* – это мольфа. Это давний подарок мольфаров, с которыми мы дружим уже несколько веков. Рядом с нами существует мир магических сообществ, с некоторыми мы дружны, с кем-то не очень.

Наша беседа аукнулась после катастрофы Бучака в 1985 году, когда *Ночная Группа* познакомилась с живыми мольфарами – не с линией *Рыцаря*, а с реальными обитателями карпатских лесов.

Глава 3. Магма

– Давай подойдем к созданию *дубликата* с другой стороны, – сказал *Зерно*.

Мы снова сидели в просторной квартире *Денди*. Как выяснилось, квартира принадлежала его отцу, генерал-лейтенанту в отставке, который предпочитал жить на своей даче и редко появлялся в Москве.

– Говорят, ты можешь создать в своем воображении любую картинку.

В этих словах все было неточным. «Говорят» относилось к *Коглерону*, «можешь создать» надо было заменить на «наш *Инструктор* может внедрить в твое сознание нужный образ», а слова «любую картинку» вообще были большим преувеличением. Смутные образы как-то возникали в моем воображении, но они оставались нестойкими, и эта их хрупкость была для меня главным препятствием.

– А можешь ты представить себе ощущение тепла или боли в пальце? Попробуй.

Я попробовал. Все получалось на уровне смутных воспоминаний, но образы тепла и боли хоть и не отчетливо, но проявлялись.

– Хорошо, – сказал *Зерно*.

Он внимательно смотрел на меня, но того давящего вторжения в мое сознание, которое я испытывал с *Инструкторо*

ром, не было.

– Правильно, – сказал *Зерно*, – сейчас ты должен сделать все сам, без моей помощи. Закрой глаза и медленно подыши, прислушиваясь к тому, как вдох наполняет свежестью твою грудь, а выдох делает тебя сильным. Сосредоточься только на этих ощущениях.

Я выполнил его указание, и, действительно, минут через пять мое тело заливала волна свежести и бодрости на вдохе и чувство растущего напряжения на выдохе.

– Хорошо, – сказал *Зерно*, – а теперь задержи дыхание столько, сколько можешь.

Зерно положил рядом со мной на столик секундомер. Я глубоко вдохнул и задержал дыхание. *Зерно* запустил секундомер. После минутной задержки появились первые позывы на выдох, примерно через полторы минуты удушье стало нестерпимым, я еще промучился секунд пятнадцать и судорожно выдохнул.

– Так, – сказал *Зерно*, – у нас получается минута сорок пять секунд. А теперь выдохни, задержи дыхание и воображай те ощущения, что были у тебя на вдохе.

Образ, как ни странно, действовал. Я не ощущал удушья, наоборот, легкость и бодрость только нарастали. Потом где-то на краю сознания возникло острое желание вдохнуть. Свежесть и удушье боролись, но потом удушье победило, и я с шумом втянул в себя воздух.

– Отлично! – закричал *Зерно*. – Ты продержался на два-

дцать пять секунд больше. Эти секунды тобой управляла не животная потребность в кислороде, а маленькое существо, которое ты сумел создать. Оно недолго прожило, но новые существа будут долговечнее. Сначала это будет твое воображение, потом танец твоего тела, а потом – *Волевоe Существо*.

В этих занятиях прошла осень. Я приходил раз в неделю к *Денди*. Он помогал мне втягивать в сознание дубликаты разных предметов, созерцать их сразу со всех сторон и пытаться увидеть их строение изнутри. Я начал видеть спички внутри коробки и сахар внутри сахарницы, но все это делалось при помощи «щупалец» *Денди*. Собственно, *Денди* и не добивался от меня самостоятельности. Он хотел, чтобы вместо отдельных частей предмета я увидел ту «*магму*» (это было выражение, которое использовал *Денди*), из которой состояли все предметы и вся *Красная Вселенная*. Для меня это было главным препятствием в овладении искусством *де-ев*. Я просто не представлял, как можно «*увидеть магму*». Умом я понимал, что за поверхностью вещей скрывается то, из чего они состоят. Но представить себе мог только оформленные части предметов.

Занятия с *Зерном* были успешнее. Я научился разогревать свое тело на холоде, задерживать дыхание на две с половиной минуты, подтягиваться на турнике по 50 раз. Делалось это за счет создания ярких образов тепла, свежести или

готовности подтягиваться, которые вытесняли реальные тягостные ощущения. Постепенно я понял, что дело не в образе, а в том, чтобы выделить в каждом ощущении его *эйдос*, разорвать связь ощущения и *эйдоса* и соединить ощущения с другим *эйдосом*. Следовало не заменять реальные ощущения воображаемыми, а помещать во главе *магмы* другой *эйдос*. Тогда *магма* холода превращалась в форму тепла. Я ощущал холод, но знал, что это тепло, и все мои реакции в точности соответствовали реакциям на тепло. Несколько раз я даже потел под пронизывающим декабрьским ледяным ветром.

Слово «*эйдос*» у *деев* не вполне совпадало с «идеей» древних греков, *деи* называли *эйдосом* активное начало, которое, соединившись с *магмой*, превращалось в конкретные предметы, ощущения или образы. *Эйдосы* управляли жизнью *Красной Вселенной*, придавая ей видимые формы. *Зерно* как-то высказал странную для меня мысль, что для *деев Тройки* *эйдосы* становились подобием *магмы*, и *деи* начинали управлять событиями, не оформляя *магму*, а придавая *эйдосам* текучий характер. Пользуясь метафорой растворения пирамиды из сахара в воде, он объяснял, что если для обычного человека раствор сахара – это сладкий раствор, то для *Единицы*, и тем более *Тройки*, этот же раствор становится «пирамидальным». *Единица* способна воспринять пирамидальность раствора, а *Тройка* может выпарить раствор так, что из него выделится растворенная в жидкости фигура.

Более того, *Тройка* может заменить растворенную пирамиду шаром.

Все, что происходило в Бучаке, растворялось в лесу, как в воде, и *Коглерон* впитывал в себя этот *раствор*. А потом *деи* и *планеты* вытаскивали из *раствора* сведения о происшедшем.

Тройка могла, растворяя нужные *эйдосы*, создавать вещи и события, которые без этого не состоялись бы. Но это было нелегко и опасно. *Красная Вселенная* движется в своем направлении, и все, что этому движению не соответствует, наталкивается на сильнейшее сопротивление. Но каждый созданный *Тройкой* и внедренный в *Красную Вселенную эйдос* включался в сеть, которая во *Время Перемен* станет основой для преобразования и *Красного*, и *Черного*. Тогда родится новый цвет и развернется новый мир.

Зерно говорил об этом увлеченно. Я понял, что кличку ему дали не только за его внешний вид. У *деев* были разные задачи, но только он отождествлял себя с зародышем, с зерном будущего мира, мира, которого еще нет.

При всей необычности наши занятия постепенно стали восприниматься как рутинные. Резкое ускорение наших практик произошло только после Нового года.

Глава 4. Старый Новый год

Как известно, старый Новый год празднуют только в России. Поэтому *Инструктор* и называл его «русский», отличая от обычного. *Деи* вообще стремились жизнь *Эргархии* перевести в формы, отличающиеся от общепринятых. Я сдал досрочно пару экзаменов, и времени на поездку в Киев у меня было достаточно. Родители не возражали. Отдых – это святое, неделька в Киеве вреда не принесет.

Я приехал двенадцатого января. Тетя Люда и Гриша встретили радушно. В тот же день я созвонился с *Инструктором*. Он объяснил, где будет проходить встреча. Это было помещение художественной студии рядом с площадью Богдана Хмельницкого. Располагалось оно в полуподвале одного из старых зданий и было достаточно вместительным для того, чтобы провести там наше празднество.

Собралась вся *Ночная Группа* – 11 человек, отобранных к тому времени. Со второй частью *Ночной Группы* наша четверка была едва знакома. Инструкторы, с которыми мы успели познакомиться к этому времени, присутствовали почти в полном составе, приехали и *Денди*, и *Зерно*. Из известных мне *деев* не было только *Генерала*. Все *деи* были в своей обычной человеческой форме, *Инструктор* среди них не выделялся. На это были свои причины. Как выяснилось позже, роль *Инструктора* для семерки наших товарищей

выполнял другой *дей*.

– Какая у нас повестка? Зачем мы собрались? – спросил *Паук*.

– Да так, просто поговорить, отпраздновать, – ответил *Барбаросса*.

Начался неторопливый разговор.

– А почему мы встречаем старый Новый год, а не обычный? – спросила *Сороконожка*.

– Расхождение старого и нового Новых годов глубоко символично. Оно символично и в Православии – несовпадении земного и небесного, и у нас – символизируя несовпадение *Черной* и *Красной Вселенных*, – отозвался *Доктор*.

– Эзотерических школ много, – осторожно спросил *Паук*, – а чем, собственно, *Эргархия* отличается от других?

– В первую очередь ориентацией на *Черную Вселенную*. Все остальные – часть *Красной Вселенной*, – начал отвечать *Черногорец*. – Этим определяются и способы работы с собой. Некоторые школы тоже пытаются выйти за пределы *Красной Вселенной*, но для этого они превращают себя в отражение *Белой Вселенной*. В *Черную Вселенную* стремимся только мы, *деи*.

– А планеты?

– Наши планеты довольствуются только отражением *Черного Солнца*.

– Нужно отодрать от вашей личности кусочек, который является отражением зародыша *Волевого Существа*, вынуть

из него *эйдос* и вырастить его в пустоте сознания. Этим мы отличаемся от *алхимиков*. Те берут личность целиком и производят ее трансмутацию. Для них личность – труп. И этот *труп нужно переплавить в меч*, после чего меч сливается с ним. Тогда появляется тот, кто наблюдал за трансмутацией, и берет меч в свои руки. *Маги* находят *силу оттуда* и помещают ее в пустоту сознания. Для этого личность должна *полюбить силу*, завлечь силу своей любовью. Поэтому магия эротична – личность и сила должны слиться и породить мага. *Мольфары* превращают личность в подобие природы и становятся ее частью. Поэтому они превращают свою жизнь в пьесу, разыгрываемую среди лесов и гор.

Я вспомнил *Библиотекаря*:

– Но есть и те, кто прикоснулся к знаниям, но выбрал другой путь?

– Да. Это *планеты*, которые выбирают *Солнце* и вращаются вокруг него. Но они видят только видимое *Солнце*, а не *Черное Солнце* воли. К *Черному Солнцу* идем только мы, *деи*.

– А Кастанеда – маг или мольфар? – спросил Волк.

– Кастанеда – философ, и он путешествует между мирами. Он не *планета*, привязанная к *Солнцу*, а «*беззаконная комета*». Он что видит внутри себя, о том пишет.

Разговор тут же перешел на тему книг Кастанеды. Его творения интриговали всех, кто был причастен хоть к какой-нибудь эзотерике.

– Так был Дон Хуан на самом деле или нет? – добивался *Медведь*.

– На самом деле – это как? – ответил *Помощник*. – То, что ты видел вчера, – это на самом деле? А то, что тебе приснилось этой ночью? А то, что ты видишь здесь? А твое представление о том, что ты видишь здесь? А твое воспоминание и понимание того, что здесь случится? Какая разница, в какой «на-самом-деле-реальности» существовал Дон Хуан? Ты же его все равно никогда не увидишь. А если он приснился Кастанеде, и тот принял сон за бодрствующее восприятие, он что, менее реален? У вас у всех есть опыт встречи со *Светящимся Змеем*, которого никто, кроме вас и нас, не видит. Он что, не реален? А *Троллидор*? А существа, за которыми вы гонялись летом три дня подряд? Реально то, у чего есть *эйдос*, а у Дона Хуана он есть. И неважно, как проявился этот эйдос – во сне, в воображении, или в реальности, можно было его пощупать или нет. Видел его кто-то, кроме Кастанеды, или не видел.

Деи покинули нас на час, и мы набросились с вопросами друг на друга. Нас интересовала семерка наших товарищей, с которыми предстояло работать в ближайшие годы. Три человека семерки – *Медведь*, *Комар* и *Оса* – были из Киева, но ни разу за это время не встречались с *Волком* и *Коброй*. *Кабан* из Харькова, *Дракон* из Ужгорода. Сюрпризом для меня стало, что *Аист* был москвичом. Таким же сюрпризом для

Паука оказалась *Сороконожка* – она тоже жила в Питере. Уже позже выяснилось, что делалось это не из соображений конспирации, а для выстраивания «силовых линий», способствовавших нашему последующему превращению в *деев*.

Потом наша четверка сгруппировалась в своем углу. Выяснилось, что всех нас знакомили с одинаковыми практиками. И в Киеве, и в Ленинграде были свои *планеты*. *Коглерон* достался не только мне – и *Кобра*, и *Волк*, и *Паук* познакомились и с извлечением знаний из *раствора*, и с метафорой сахарной пирамиды. Очевидно, это была часть обучения, которое проходили все будущие *деи*.

Паук долго и возбужденно рассказывал нам про свои новые связи в Ленинграде, образовавшиеся после Бучака. Он, как и я, привез и передал *Коглерон* *дею*, которого я через несколько месяцев назвал *Пружиной*. *Пружина* работал в Академии гражданской авиации и не торопясь создавал свою лабораторию по всяческим экстрасенсорным феноменам. Это было его социальным прикрытием. У него была своя *Дневная группа* – несколько десятков человек, которые наивно полагали, что улавливают космические потоки, помогающие определить у летчиков и диспетчеров вероятность и условия срыва их работы при перенапряжениях. Техника определения момента срыва напоминала работу в Москве с помощью того, что там называлось биолокацией, – вращения специальных рамок, подсказывавших, где и когда может произойти ожидаемое событие. Но если в Москве использо-

вались рамки из стальной проволоки, изогнутые под 90 градусов и зажатые в руке, то у *Пружины* наподобие рамки подвешивался внушительный груз. Порядки там были жесткими – за пару месяцев из полусотни начинавших заниматься у *Пружины* осталось лишь три человека. Они не стали кандидатами в *деи*, но из них готовились будущие *планеты*. Они сыграли важную роль, когда появились первые признаки *Времени Перемен*.

– Костя, – обратился ко мне *Паук*, – я собираюсь приехать в Москву в конце января.

– Так останавливайся у меня, – обрадовался я.

– Я буду не один, со мной будет еще питерская *планета*, у него есть свой угол в Москве.

Приближался Новый год. В помещении воцарилась тишина. Часы пробили двенадцать. И вдруг со всеми *деями*, кроме *Мавки*, случилось неожиданное изменение – на всех появилась сложная маска *Инструктора*. Было такое впечатление, что каждый из них натянул на себя лица остальных. Этот меняющийся хаос масок, как и прежде, вторгся в сознание. У меня возникло подозрение, что это просто ночной тягостный кошмар. Я отметил совершенно ничем не мотивированный ужас, похожий на тот, что испытал летом при первой встрече со *Светящемся Змеем*, когда *Упырь* положил мне руку на плечо. Казалось, все инструкторы превратились в вампиров и собирались нас растерзать. От них исходила ка-

кая-то сила, живо напомнившая мне сон, что предшествовал предложению *Инструктора* войти в *Ночную Группу*. Сон, в котором жуткий маг с обрубками рук направлял на меня поток вибраций.

Вся сцена становилась абсолютно нереальной. Инструкторы сливались в клубок, из которого невозможно было выделить отдельных *деев*. Они превращались в центр ночного кошмара. Реальным оставалось помещение студии со столом и тусклым светом, кошмаром же был хоровод назойливо меняющихся масок.

Этот хоровод втягивал в себя, растворял в себе. Бодрствующее сознание плавилось. Меня охватило новое воспоминание: полет над иссиня-черной печью, втягивающей в себя, расплющивающей мое «Я», растягивающей время. Мое сознание буквально вытягивалось из тела, стремясь присоединиться к дикому хороводу, но я знал, что если поддамся этому притяжению, то буду захвачен и расплющен жуткой силой. Я вспомнил *струну*, которая выделилась у меня в моем полете над печью и с помощью которой я управлял своим телом. Я старался превратить воспоминание в реальность и вдруг понял, что *струну* нужно так же втянуть из воспоминания в сознание, как мы делали это с *дубликатами* предметов в Бучаке и как мне это показывал *Зерно*.

Струна растворялась в ужасе, возникала опять, и я все тянул и тянул ее из воспоминания в наш нарастающий кошмар. Внезапно это удалось. *Струна* стала реальностью, и я

резко развернулся, удаляясь от крутящегося вихря.

Сила, исходящая от хоровода, ослабела, и я осознал двойственность восприятий и действий. Я по-прежнему сидел на своем стуле, а натянувшие жуткие маски *деи* неподвижно сидели напротив. И вместе с тем они кружились в дьявольском хороводе в моем сознании, а я, используя *струну*, удалялся от них. Потом я перешел какой-то порог, и сцена скачком стала прежней.

Инструкторы так же сидели перед нами. Маски, внедрявшиеся в мое сознание, исчезли. На лицах моих товарищей читалось потрясение. Наверное, мое лицо было таким же.

– Ну что ж, за Новый год, – поднял бокал шампанского *Помощник*.

Мы выпили. *Кобра* расплакалась, за ней *Оса*. Остальные сидели молча.

– Ничего, ребята, дальше будет хуже, – успокоил нас *Доктор*.

– Что это было? – тихо спросил *Паук*.

– Что было, что было... зачет! – ухмыльнулся *Упырь*.

– Для вас зачет, для нас – экзамен, – сказал *Доктор*. – Если бы вы не сумели вырваться, нам пришлось бы набирать новую группу. Времени для этого маловато, а подходящих людей еще меньше.

– А если бы мы не вырвались, что бы с нами случилось? – зло спросил *Паук*.

– Вы бы просто забыли, что происходило здесь, – мягко

и слегка виновато ответил *Толстяк*, – и забыли бы все, что происходило в вашей *ночной* жизни. Вы стали бы намного сильнее остальных *дневных*, помогали бы нам, писали хорошие романы и сочиняли необычную музыку. Вам бы снились яркие и необычные сны, но вы навсегда забыли бы о другой стороне мира. Но вы вырвались, потому что вам помогал *Троллидор*, который пропитал вас своим *соком*, когда вы все вместе летом знакомились с ним.

– А ты, *Ворон*, превратился бы в *Невозможную Ворону*, – добавил *Скандинав*.

Деи захохотали. Смысл этой шутки я понял позже.

– *Троллидор* сделал из вас единую группу. Его *сок* соединил ваши силы, – продолжил *Скандинав*.

– А почему не изменялась *Мавка*? Почему она не включилась в общую картину? – спросил *Комар*.

– *Мавка* – наш сторож. Когда мы становимся *ночными*, кто-то должен быть на связи с миром *Дня*, – ответил *Скандинав*.

– Да, – сказала *Мавка*, – я сторожу их всех. Вдруг прорвется водопровод, или случится пожар...

Деи просто зашлись от хохота. Даже *Барбаросса*, отнюдь не склонный к эмоциональным излишествам, довольно заулыбался. Очевидно, это была шутка, совершенно непонятная нам, *Нулю*.

На прощание *Инструктор* попросил нашу четверку

встретиться на следующий день вечером.

14 января мы вновь пришли в студию. *Инструктор* был в своем обычном, устрашающем виде, но после вчерашнего ужаса он уже не нагонял прежней жути. С ним было еще несколько *деев*, в том числе и *Генерал*.

– Будем купаться, – радостно сказал *Упырь*.

Мы отправились на берег Днепра. Было уже поздно. За нами заехали две машины. Их вели неизвестные мне люди. Потом *Кобра* рассказала, что это местные *планеты*.

Недалеко от моста через Днепр располагалось небольшое озеро, покрытое льдом. В самом центре его была пробита большая прорубь.

– Ну что ж, посмотрим, как вы *магму* холода превращаете в летнюю жару, – ухмыляясь, сказал *Генерал*.

Он объяснил нашу задачу: зайти в воду по горло, разогреть себя за счет тех упражнений, которые мы выучили этой осенью. Мы разделись. Я вспомнил *эйдос*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.